

Человек должен уметь быть благодарным. Она внутренне похвалила себя за доброту и продолжила погружаться в свои мелкие переживания.

Помимо самодовольства от проявленного удивительного таланта и стремительно растущего на глазах уровня мастерства, в ней также таилась странная тревога.

Конечно, дело было не в Нань Сычу и не в тех, чьих имён она даже не помнила.

Ожидая в городке у подножия горы, она из любопытства и от нечего делать купила несколько свитков с романами о простых смертных, ищущих бессмертия, и ходила в чайные послушать сказителей. Она помнила, что и в романах, и в историях рассказчиков главные героини обычно обладали самыми заурядными способностями, большинству из которых с самого начала предрекали невозможность достичь успеха. Затем они сталкивались с различными удачными возможностями и шаг за шагом шли по пути становления сильнее, в конце концов спасая мир и постигая Великое Дао. Те же, кто с самого начала блистал выдающимися талантами, часто заканчивали печально — либо погибали насильственной смертью, либо, в лучшем случае, не избегали участи затеряться среди обычных людей.

Если бы это был роман или пьеса, то она, наверное, не была бы главной героиней, с тревогой подумала она.

Она упоминала об этом и Фэн Хайлоу, и Дин Линъюнь, но в ответ слышала лишь весёлый смех. Они думали, что она шутит, и находили это действительно забавным.

— Я говорю серьёзно, — объясняла она, и тогда собеседник смеялся ещё громче.

Однако, кроме этих изредка всплывающих мыслей, которые были скорее фантазиями, чем реальными переживаниями, её жизнь в целом можно было назвать гладкой. В конце концов, для человека, которого едва не поглотил злой культиватор, возможность каждый день спокойно жить уже была милостью небес.

Закалка ци делилась на двенадцать уровней. Через год Чжун Минчжу благополучно поднялась до шестого уровня закалки ци, и тогда у неё наконец появился шанс покинуть эту вершину.

Достигнув шестого уровня закалки ци, ученики секты Тяньи могли изучать искусство управления мечом, а освоив его — брать задания на доске объявлений у подножия горы в обмен на духовные камни. Между пиками были установлены телепортационные формации, но для выполнения большинства заданий требовалось углубляться в горные леса, куда можно было добраться только с помощью управления мечом, да и в случае опасности было проще сбежать.

Ученики внешнего двора могли получать по пять духовных камней в месяц, а цена одной бутылки низкокачественного снадобья составляла пятьдесят камней. Чтобы накопить на одну бутылку, требовался целый год. Правила секты Тяньи были очень строгими: до официального посвящения в ученики запрещалось приносить в гору что-либо из внешнего мира или спускаться с горы. Это означало, что даже ученики из знатных семей до закладки основания не могли использовать ресурсы своих кланов. Если они хотели ускорить свой прогресс, им приходилось полагаться только на себя.

Задания, которые давал Ху Цин, были самыми разными, но в основном простыми — сбор трав, выполнение поручений и тому подобное.

Но попадались и странные. Чжун Минчжу как-то видела задание по испытанию снадобья,

которое висело на доске целых три месяца, и никто не решался его взять. Хотя награда была щедрой, всё выглядело крайне подозрительно, особенно учитывая приписку в конце, где трижды подчёркивалось, что в случае несчастного случая три души и шесть духов испытателя обязательно будут возвращены, а тело восстановлено. Если начало лишь намекало на смертельную опасность, то конец подтверждал это окончательно — задание было смертельным.

Чжун Минчжу даже подумывала попробовать, но тогда она ещё не освоила как следует искусство управления мечом. Когда же у неё появилась возможность, задание уже сняли. Она лишь запомнила, что его опубликовала Лун Тяньли. Имя было настолько необычным, что она запомнила его особенно хорошо, и когда снова увидела его на доске объявлений, то сразу же взяла нефритовую табличку.

И затем была разочарована, обнаружив, что это всего лишь сбор трав: кассии, дудника и пиннелии. Эти травы были довольно распространёнными, но в конце задания было указано, что собирать их нужно у водоёма под водопадом Саньде на пике Тяньтай.

— Какая морока, — пробормотала Чжун Минчжу, и у неё даже мелькнула мысль вернуть табличку обратно. Однако рядом стоял Нань Сычу, который смотрел на неё искоса, и ей пришлось, покряхтев, убрать табличку в сумку для хранения.

Нельзя проигрывать в упорстве. Нань Сычу и так относился к ней с неприязнью. Если бы она сейчас вернула табличку, это дало бы ему лишний повод для насмешек.

— Сестрица Чжун, это куда ты собралась? — спросил он.

— Конечно, спать, — с фальшивой улыбкой ответила Чжун Минчжу, мысленно добавив: «Кто тебе сестрица?»

После чего, не дожидаясь, пока он что-то ещё скажет, развернулась и ушла.

Вернувшись в своё жилище и встретив Дин Линъюнь, она рассказала ей о задании. Едва с её губ сорвалось «пик Тяньтай», как в ответ раздался визг.

— Пи-пик Тяньтай? — забормотала Дин Линъюнь, заплетающимся языком, выглядев так, будто вот-вот потеряет дар речи.

— Успокойся, — похлопала её по щеке Чжун Минчжу. — Что с этим местом? Оно опасно?

— Ты что, не знаешь? Это же место, где живёт бессмертная Чан Ли! Там всегда была запретная зона. Говорят, это сам старейшина У Хуэй отдал приказ — никто не смеет тревожить покой бессмертной Чан Ли во время её уединённой практики. Ты... ты... ты действительно можешь туда пойти за травами?!

Игнорируя обвинительный взгляд Дин Линъюнь, полный упрёка, будто её лучшая подруга предала её за её спиной, Чжун Минчжу сухо засмеялась и осторожно спросила:

— Кстати, а кто такой старейшина У Хуэй?

В памяти мелькало, что она слышала это имя, но так как в обычной жизни с ним не сталкивалась, то и не запоминала. После чего Дин Линъюнь заперла её в комнате и принялась рассказывать тайную историю секты Тяньи, не зная, сколько времени это заняло.

Хотя можно было просто приложить нефритовую табличку ко лбу и получить всю информацию, Дин Линъюнь предпочла рассказать всё своими словами. Чжун Минчжу предположила, что, вероятно, так она хотела показать свою искренность, особенно когда речь шла о бессмертной Чан Ли. Если не воспользоваться моментом, чтобы излить свои бурные чувства обожания, Дин Линъюнь всегда чувствовала бы, что чего-то не хватает.

Она собиралась начать с основателя секты, даоса Тяньи, но Чжун Минчжу прервала её.

— Ограничься настоящим, последние пару тысяч лет, спасибо, — сказала она.

Сначала хотела сказать «пятьсот лет», но потом подумала, что эти культиваторы живут по несколько сотен лет, и пятьсот лет, наверное, не такой уж большой срок, поэтому увеличила цифру.

Как раз около двух тысяч лет назад истинный человек Шуйцзин достиг просветления и вознёсся, с этого Дин Линъюнь и начала.

После вознесения даоса Тяньи прошло целых девять тысяч лет, и в секте Тяньи так и не появился второй бессмертный. Даже тех, кто достиг этапа преобразования духа, было очень мало. Благодаря защитным формациям, оставленным даосом Тяньи, и тому, что несколько поколений патриархов хорошо вели дела, секта, хотя и приходила в упадок после нескольких катастроф, едва не приведших к её уничтожению, всё же сумела сохранить преемственность.

Две тысячи лет назад старейшина Шуйцзин, занимавшийся изготовлением артефактов, находился на последней стадии этапа прозрения пустоты, всего в шаге от этапа махаяны, но никак не мог прорваться. Видя, что его жизненные силы на исходе, он отправился на гору Цзюи, в леса древних деревьев, где когда-то обитали фениксы. Шуйцзин планировал выбрать одно из деревьев и, потратив всю свою жизненную силу, создать магический инструмент для секты.

В тот момент, когда он выбирал дерево, произошло небесное явление, и хлынул невиданный ранее поток духовной силы. Орошённый этой силой, Шуйцзин немедленно испытал стремительный рост мастерства. Он не только достиг этапа махаяны, но и за несколько дней преодолел его, достигнув этапа вознесения и вознесясь в Верхний мир.

Хотя всё произошло внезапно, он всё же оставил секте Тяньи драгоценный инструмент — деревянный меч по имени Цанью. Хотя он был сделан из дерева, говорили, что он острее любого божественного оружия. Тысячу лет назад старейшина У Хуэй использовал этот меч, чтобы убить златобронного демонического зверя, славившегося своей неуязвимостью.

Вскоре после вознесения Шуйцзина его младший брат по учению, почтенный Гухун, также достиг этапа прозрения пустоты. После того как те немногие культиваторы, чьё мастерство в то время превосходило мастерство Гухуна, исчерпали свои жизненные силы, Гухун стал одним из трёх оставшихся в живых культиваторов на этапе прозрения пустоты и самым сильным из них. Таким образом, секта Тяньи, имевшая одного культиватора на этапе прозрения пустоты и трёх на этапе преобразования духа, в одночасье стала сильнейшей бессмертной сектой.

— Три старейшины на этапе преобразования духа — это старейшина У Хуэй, практикующий путь меча, старейшина Му Даньсинь, практикующий путь заклинаний и бывший патриарх, и старейшина Лун Тяньли, практикующая путь снадобий. Среди них старейшина У Хуэй уже достиг поздней стадии преобразования духа, и в прямом противостоянии с ним могут справиться только те трое, кто находится на этапе прозрения пустоты.

— Погоди минутку, — прервала её Чжун Минчжу. — Этот старейшина Лун, его фамилия Лун или Лун Тянь?

Она запомнила это имя и интересовалась им даже больше, чем тем, почему старейшина на этапе преобразования духа поручал задания ученикам внешнего двора.

— Эм-м... — Дин Линъюнь на мгновение запнулась, задумалась и поняла, что сама не знает.

Тот старейшина вёл замкнутый образ жизни, и до этого Дин Линъюнь лишь слышала это имя. Все называли его старейшина Лун Тяньли, но никто не говорил «старейшина Лун» или «старейшина Лун Тянь».

<http://bllate.org/book/16292/1468264>